

С.Ж. Пустовалов

**МОНОГРАФИЯ Б.Д. МИХАЙЛОВА
«ПЕТРОГЛИФЫ КАМЕННОЙ МОГИЛЫ»
И ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ
ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ**

Pustovalov S.Zh. The Monograph by B.D. Mikhaylov “Petroglyphs of Kamennaya Mogila” and the Problems Related to the Reconstruction of Worldview of the Ancient Population of the Ukraine.

The review considers main conclusions of the book by B.D. Mikhaylov devoted to the analysis of rock engravings in the ancient sanctuary “Kamennaya Mogila” (Stone Grave) located in the north Azov region. Mikhaylov’s contribution to the study of this unique archaeological site is highly appreciated. Unlike some other scholars the author of the review shares Mikhaylov’s opinion concerning the presence of depictions in Kamennaya Mogila related to different historic epochs starting from the final Palaeolithic.

Уже более двух веков Каменная Могила – выдающийся памятник искусства и идеологии прошлого – привлекает к себе внимание исследователей. Академик П.И. Кеппен и В.И. Веселовский, О.Н. Бадер и М.Я. Рудинский, В.Н. Даниленко и А.А. Формозов – все они в той или иной мере внесли свой вклад в изучение этого уникального памятника природы и истории. Последние десятилетия исследованием Каменной Могилы очень активно занимается Б.Д. Михайлов. Из четырех монографий, специально посвященных этому выдающемуся памятнику, две принадлежат ему (1994; 1999). Сотрудник и младший коллега В.Н. Даниленко, он плодотворно развивает его идеи. Кропотливое исследование новых местонахождений, интересные открытия Б.Д. Михайлова позволили ему высказать и обосновать новые идеи в интерпретации находок на Каменной Могиле. Наверное, не все из них выдержат испытание временем, однако в изучении древней идеологии каждое мнение, каждая идея, как бы они ни казались маловероятными, заслуживают внимательного к ним отношения и освещения в исто-

риографии. При реконструировании религиозных систем древности в условиях, когда принципиально разные смысловые понятия могут иметь одинаковое материальное выражение, практически любая новая точка зрения имеет научное значение. Конечно, если она базируется на добротном источниковедческом фундаменте.

Б.Д. Михайлов сочетает в себе качества и полевика-археолога, и исследователя-интерпретатора, что очень важно для исследования такой сложной области человеческой деятельности, как идеология. Последняя книга Б.Д. Михайлова подводит итог более чем 60-летним исследованиям Каменной Могилы. Именно поэтому в ней большое значение имеет источниковедческий раздел. Обоснованно третью часть листажа монографии занимают иллюстрации. Исчерпывающая история исследований Каменной Могилы может использоваться при написании обобщающих трудов, при чтении лекций и т.д.

Открывает книгу описание природной среды и характеристика развития форм хозяйства в Северном Причерноморье. Этот раздел впол-

не закономерен, поскольку именно уникальность Каменной Могилы среди сглаженного степного ландшафта явилась подосновой и одной из побудительных причин выбора этого места в качестве одного из центральных святилищ в Северном Причерноморье. Аналогичны причины выбора в качестве святилища и Большой Хортицы (Завгородний, Остапенко 1999). Уникальность ландшафта Хортицы и Каменной Могилы среди степного однообразного пейзажа привлекала внимание древнего населения, требовала объяснения этому феномену, способствовала сакрализации этих уникальных мест.

Следующая глава, посвященная истории исследования Каменной Могилы, дает возможность не только ознакомиться с тем, как развивались исследования памятника, но и оценить реальный вклад Б.Д. Михайлова в его изучение.

Одной из центральных является глава «Стратиграфическое соотношение и стилистико-типологические признаки петроглифов. Полисуары». Это наиболее полное описание источников. Сложность в формировании источников по Каменной Могиле состоит в том, что изображения очень сложно распознаются. Эта работа требует большого опыта и знаний. Данная задача для автора монографии является одной из главных. Б.Д. Михайлов пишет: «... в изучении петроглифов Каменной Могилы важно правильно распознать и соотнести рисунки с тем или иным видом животного, антропоморфного изображения или отдельными символами, определенными образами, которые составляют подчас единый сюжетный узел и позволяют моделировать духовный мир древнего человека» (Михайлов 1999: 34). Автором проделана огромная работа по верификации источников. Им самим открыт целый пласт изображений, в том числе принципиально новых.

Для датировки рисунков автором, кроме традиционных стилистических особенностей, широко используются и результаты раскопок вблизи открытых рисунков. Особенно часто этот метод используется для определения возраста полисуаров. В целом полисуары датируются от эпохи раннего неолита до ямно-катакомбного времени (Михайлов 1999: 81).

Наиболее интересна для читателя глава четвертая «Некоторые вопросы хронологии и интерпретации семантики петроглифов». Пользуясь уточненной хронологией отдельных изображений и целых комплексов, Б.Д. Михайлов подтверждает или критикует ранее высказанные гипотезы, предлагает свои интерпретации разновременных комплексов этого уни-

кального памятника. Он решительно встает на защиту точки зрения В.Н. Даниленко о присутствии на Каменной Могиле позднепалеолитических изображений. Критики позднепалеолитического возраста рисунков на Каменной Могиле апеллировали к тому факту, что в окрестностях данного памятника отсутствуют какие-либо позднепалеолитические материалы. Автором монографии были открыты две стоянки, датируемые именно поздним палеолитом (Михайлов 1982; 1992). Это не единственные свидетельства присутствия человека в Северо-Западном Приазовье в эпоху палеолита. Разведки и раскопки Н.П. Оленковского, Н.Д. Праслова и других исследователей (Оленковский 1989; Праслов 1963) показали, что Таврия была населена в это время человеком. Таким образом, один из аргументов, приводимых критиками палеолитического времени рисунков Каменной Могилы, был опровергнут. Второй аргумент, суть которого состоит в том, что песчаник Каменной Могилы очень мягкий и не может сохранять такое длительное время петроглифы, также не выдерживает критики. По заключению геологов, каменномогильский песчаник со временем окисляется и превращается в достаточно твердый камень, покрываясь своеобразной коркой (Михайлов 1999: 83-84). Незначительное присутствие изображений мамонта в гротах Каменной Могилы Михайлов объясняет потеплением климата и откочевкой мамонта на север (Михайлов 1999: 84), что выглядит достаточно убедительно.

При анализе позднепалеолитических изображений из пещеры Козы Б.Д. Михайлов использует принцип мирового древа. Птицы в верхней части фризов ассоциируются им с небом, мамонт и копытные – с землей, средним миром, а змея – с миром подземным. Такая трактовка не противоречит общетеоретическим положениям и логично объясняет эмпирические факты. Подземный, нижний мир отождествлялся древними людьми с миром потусторонним. Поэтому можно полагать, что уже в верхнем палеолите у населения Северного Причерноморья существовали определенные представления о потустороннем мире. Такое утверждение не лишено логики, поскольку именно в Северном Причерноморье уже для мезолита известны погребения, где умершие лежат в позе вытянуто на спине. По мнению Н.А. Чмыхова, вытянутая на спине поза умерших является индикатором наличия у данного населения развитых представлений о загробном мире (Чмыхов 1990; 1994).

Анализируя женские образы Каменной Могилы, Б.Д. Михайлов видит в них несколько функциональных направлений, что подтверждается и выводами других ученых (Абрамова 1962; Горелик 1997 и др.).

В целом автор датирует палеолитический пласт изображений финальным палеолитом, что представляется обоснованным. Возможно, именно в это время среди населения, оставившего рисунки на Каменной могиле, возникает один из образов, получивших позднее широкое распространение, – образ фантастического зверя. Речь идет о так называемом мамонте-быке. Четкость его изображений, сочетание в них признаков как мамонта (бивни, хобот), так и быка (туловище) породили длительную дискуссию о том, что же это за животное. Возможно, население финального палеолита, знавшее понаслышке о мамонтах, ушедших к тому времени на север, создало синкретический образ, воспроизводя лишь наиболее поражающие воображение древнего человека детали мамонта, вписывая их в контур привычного к тому времени копытного. Судя по тому, что бык с хоботом продолжал изображаться и в неолите, образ этот существовал длительное время и, не исключено, был центральным для святилища в финальном палеолите и неолите.

На Каменной Могиле известна целая серия блоков – конкреций с изображениями. Благодаря исследованиям автора монографии, число их увеличилось в три раза. Анализируя семантику изображений на конкрециях-чурингах, автор не без основания приводит мысль В.Н. Даниленко о том, что «ребусное первобытное искусство нашло удивительное продолжение в зверином стиле скифского искусства, когда из одной фигуры свернувшегося зверя (при повороте) рождается совершенно новый образ» (Даниленко 1975: 88-89).

Мезолитическое искусство представлено на Каменной Могиле типичными для этого времени образами, связанными с охотой. Это позволяет достаточно четко его интерпретировать. Б.Д. Михайлов интерпретирует один из рисунков как изображение женщины, сидящей верхом на носороге. Думается, что намечаемая Б.Д. Михайловым связь этого изображения с мифом о Европе заслуживает внимания и может быть в дальнейшем весьма продуктивной идеей.

Качественно новый тип изображений, по мнению Б.Д. Михайлова (с.91), появляется в эпоху неолита. Автор связывает с неолитом целый блок изображений, хотя и отмечает, что распознавание неолитических изображений дол-

гое время оставалось сложной задачей (Михайлов 1999: 92). Трактовки неолитических рисунков продолжают традиции, заложенные В.Н. Даниленко. В частности, это касается пещеры Артемиды, водоплавающих птиц, рыб и т. д. Автор справедливо связывает рыб с нижним миром в целом. Все же, рассматривая изображения неолитической эпохи на Каменной Могиле, следует признать, что «неолитическое искусство Каменной Могилы по своему мифопоэтическому содержанию продолжает искусство эпохи позднего палеолита» (Михайлов 1999: 94). Это позволяет высказать предположение, что население новокаменного века было этнически связано со своими предшественниками.

Подавляющее количество петроглифов Каменной Могилы единодушно относится специалистами к эпохе энеолита-бронзы. Обилие символов и образов этой эпохи явилось для некоторых исследователей основанием для отрицания длительного существования Каменной Могилы как святилища (Рудинский 1960). Тем не менее, действительно, в эпоху энеолита-бронзы святилище переживает подлинный расцвет. На это время приходится пик изобразительной деятельности. Б.Д. Михайлов правильно видит аналогии изображениям на Каменной Могиле этого времени в изображениях на каменных стелах, керамике, в погребениях эпохи энеолита-бронзы Северного Причерноморья.

Среди изображений этого времени автор обращает внимание на «шалаш», которые, по его мнению, воспроизводят коллективные или индивидуальные могильники (Михайлов 1999: 96). Не отвергая такой трактовки, можно предложить и другую. Так, А.С. Смирнов, специально рассмотревший сюжет «загон с животными», пришел к выводу, что это изображения храмов, посвященных «богине-матери или матери-земле» (Смирнов 2000: 579).

Этот сюжет хорошо известен и в иконографии Месопотамии, и в памятниках искусства мегалитических культур Западной и Восточной Европы. Известно, что архетип Великой Матери один из древнейших. Поэтому его появление на Каменной Могиле в эпоху, когда связи между Древним Ближним Востоком и Северным Причерноморьем упрочиваются, является закономерным явлением. Эта трактовка не противоречит и той версии, которую развивает автор монографии, считающий, что «шалаш» на трипольских сосудах является курганом (Михайлов 1999: 97), поскольку курган также ассоциируется с лоном матери-земли.

Большой заслугой Б.Д. Михайлова является открытие им в линейно-геометрических рисунках древних письмен. Отдельные попытки выделить письмена на Каменной Могиле предпринимались и ранее (Даниленко 1986), но их, как правило, относили к поздним эпохам. Автор рецензируемой монографии, первым привлекающая ранее неопубликованные материалы раскопок О.Н. Бадера, используя собственные исследования, пришел к выводу о ямно-катакомбном их времени (Михайлов 1994). Трудно переоценить значение открытия письмен на Каменной Могиле для понимания уровня развития ямно-катакомбного общества, его происхождения, времени появления письменности в Северном Причерноморье. Дело в том, что в погребениях катакомбной общности, в частности, ингульской культуры, также были обнаружены рисунки, идентичные или очень близкие раннеконсонантным алфавитам Восточного Средиземноморья, критскому линейному письму А и т. д. (Пустовалов 1996; 1997; 1999; 2000).

Катакомбные погребения, содержавшие знаки, были раскопаны еще в первой половине 80-х годов XX века, однако, благодаря В.В. Отрощенко и Ю.Я. Рассасакину, их долгое время считали растительным орнаментом. В тексте отчета сказано: «... Рисунок состоит из волнистых линий и завитков» (Отрощенко, Рассасакин 1983: 42). В другом месте читаем, что рисунок «... содержал элементы растительного орнамента» (Отрощенко, Рассасакин 1983: 49). Точка зрения авторов отчета долгое время препятствовала правильному пониманию этого феномена. Даже более того, вывод В.В. Отрощенко и Ю.Я. Рассасакина негативно повлиял на других исследователей, которые находили подобные изображения. Так, в отчете А.А. Моруженко сказано: «У изголовья на тлене подстилки прослежены остатки орнамента в виде полос алой охры» (Моруженко и др. 1989: 9). В публикации этого погребения Р.А. Литвиненко писал: «В районе головы на подстилке зафиксированы остатки орнамента из тонких полос алой охры в виде отдельных линий, углов, петель и волн» (Литвиненко 1995: 274-282). Однако уже сам перечень найденного свидетельствует в пользу того, что перед нами знаки, идентичные тем, что открыты в других катакомбах (Пустовалов 1997).

К моменту выхода в свет первых моих статей, посвященных проблемам письменности у катакомбных племен, мне не были известны соответствующие исследования Б.Д. Михайлова. Сопоставление групп знаков, выделенных на

основании анализа погребального обряда, керамики, оружия, других источников, с материалами Каменной Могилы позволило говорить о значительном сходстве их между собой (Пустовалов 1998; 2000: 36-37, табл. 1). Из 24 групп знаков совпадают 14, т.е. больше половины. Это углы или 7-видные знаки, узкие и высокие загнутые сверху крючки, широкие крючки, N-видные знаки, гребешковидные знаки, знаки типа W, A-видные знаки, крестовидные и др. (рис. 1). Они появляются на эпоху раньше, чем считалось до сих пор. Думается, что и на Каменной Могиле знаки буквенного и слогового письма, выделенные Б.Д. Михайловым, относятся к ямно-катакомбной эпохе, когда, по нашему мнению, это святилище было одним из главных в северопричерноморском этно-социальном организме (Пустовалов 1991; 1998). По моему мнению, Молочанское святилище служило местом поклонения для населения этноса-гегемона, а Каменная Могила – для местного ямного населения. Оба святилища находятся друг с другом в прямой видимости и, без сомнения, составляли единый комплекс в ямно-катакомбную эпоху. Расстояние между ними составляло около 27 км, причем Молочанское святилище находилось на высоком правом берегу р. Молочной, а Каменная Могила – в долине. Разница по высоте между обоими святилищами составляла около 80 м.

Вывод Б.Д. Михайлова, что значительная часть изображений нанесена в Каменной Могиле в ямно-катакомбную эпоху подтверждает мой вывод о том, что это святилище было одним из главных у местного ямного и восточно-катакомбного населения. В противовес Молочанскому святилищу, а возможно, и в дополнение к нему главным божеством для населения, использовавшего Каменную Могилу в катакомбное время, был Вешап – дракон. Плиты стоп также, по заключению Б.Д. Михайлова, относятся к данной эпохе. Однако семантически их нагрузка, видимо, несколько иная, чем в камерах катакомбных могил, где они выступают как обереги, воплощение лучших качеств умерших (Рычков 1982).

На каменных стелах стопы, как правило, изображаются на поясе, что, с точки зрения анатомии, является нонсенсом. Если же рассматривать пояс как рубеж между миром нижним, потусторонним и миром средним, то их роль как посредников, медиаторов становится очевидной.

Б.Д. Михайлов обоснованно разделяет изображения стоп на отдельные группы, пола-

	1	2	3	4	5	6	7
XI							
XII							
XIII							
XIV							
XV							
XVI							
XVII							
XVIII							
XIX							
XX							
XXI							
XXII							
XXIII							
XXIV							

I							
II							
III							
IV							
V							
VI							
VII							
VIII							
IX							
X							

Рис.1: 1. Ингульские знаки. 2. Восточнокатакомбные (донецкие) знаки. 3. Северосемитский алфавит. 4. Раннефиникийский алфавит. 5. Критское письмо А. 6. Каменная Могилы. Знаки. 7. Трипольские знаки.

гая, что одиночные стопы связаны со следом героя Индры-Вишну, Геракла, парные стопы связаны с достижением загробного царства, а ряд изображений может быть отождествлен с лапами медведя (Михайлов 1999: 109).

Основываясь на находках в погребениях ямно-катакомбного времени различных транспортных средств, автор монографии датирует их изображения на Каменной Могиле эпохой бронзы. Однако находки моделей колес в поздне трипольских слоях (Корвін-Піотровський, Мовша, 1999) позволяют расширить датировку изображений колесниц. Они, очевидно, должны датироваться, как и рисунки лошадей, эпохой энеолита – средней бронзой.

Выявление среди петроглифов Каменной Могилы рисунков, связанных с судоходством, является целиком заслугой Б.Д. Михайлова. Среди выявленных изображений судов имеются такие, которые находят, по мнению Б.Д. Михайлова, аналогии в находках на Крите, Дораке и т.д. (Михайлов 1999: 116). Лодки и суда датируются по-разному, однако часть из них относится к эпохе ранней и средней бронзы. Это еще раз подтверждает точку зрения автора настоящей рецензии, что катакомбное население могло проникать в Северное Причерноморье морским путем, минуя и Балканы, и Кавказ. Морской путь появления на Северном Кавказе носителей дольменной культуры предполагает и В.И. Марковин (Марковин 1978).

В монографии представлены также материалы поздней бронзы (сосуд), гуннского и позднекочевнического времени, христианские символы, которые, по мнению Б.Д. Михайлова, могут быть отнесены к рубежу I-II тыс. н. э. Очень слабо на Каменной Могиле представлена сарматская эпоха. Только интуитивно автор предполагает наличие скифского искусства (с.123). Видимо, такое положение неслучайно.

Таким образом, в существовании Каменной Могилы как святилища можно проследить две большие эпохи. Одна из них охватывает период от позднего палеолита до конца ямно-катакомбной эпохи, другая – от эпохи поздней бронзы до средневековья. В первый период наблюдается преемственность в развитии сюжетов, например, «небесный бык», «охотничьи сцены» и т.д. Мировоззрение этого населения аналогично или очень близко представлениям как в Западной, так и Восточной Европе и на Древнем Востоке. Энеолит и ранняя бронза вплоть до ямно-катакомбного времени характеризуются появлением принципиально новых сюжетов, изображений. Это конские плиты, изображения

судов, знаки, аналогичные письменным системам Ближнего Востока, рисунки колесниц, святилище-грот дракона-Вешапа и т.д. Именно в этот период ярко прослеживаются связи Каменной Могилы с ближневосточными религиозными системами, в целом, с ближневосточной культурой. Невозможность расчленить изображения ямно-катакомбного времени косвенно свидетельствует в пользу длительного периода сосуществования различных групп ямного и катакомбного населения. В местные культы проникают новые, катакомбные, в том числе, ингульские элементы. Так, по заключению Н.Д. Довженко и О.Б. Солтыса, рисунки стоп характерны, прежде всего, для погребений ингульской культуры (Довженко, Солтыс 1991).

Мной уже высказывалось мнение о формировании в пределах Северопричерноморского этно-социального организма единой надэтнической религии (Пустовалов 1999). Культ моделированных черепов распространяется со временем не только среди ингульского населения, но и практикуется восточнокатакомбным и позднеямным населением. Присутствие на Каменной Могиле ингульских символов также, по моему мнению, отражает процесс формирования надэтнической религии для сосуществующего в рамках одного общества разноэтнического населения.

Исходя из контекста нахождения главного святилища этого времени на Каменной Могиле в гроте и учитывая подчиненное положение ямного и восточнокатакомбного населения, можно предположить, что церемонии здесь проходили тайно, во всяком случае, число присутствующих было очень ограниченным. Тогда как ритуалы на Молочанском святилище носили публичный характер, в них были задействованы сотни, если не тысячи людей и животных.

Ориентация основной оси Молочанского святилища на летнее солнцестояние подчеркивает его связь с солнцем. Изображение каменного топора, найденное во время раскопок Молочанского святилища, позволяет связывать его с божеством типа Тешшуба-Адада.

Казалось бы, с распадом катакомбного этно-социального организма местные автохтонные культы должны были бы расцвести. Однако этого почему-то не происходит. Найденный на Каменной Могиле срубный горшок только подчеркивает заброшенность святилища. Это одинокая жертва, всего лишь дань ушедшему в прошлое, тризна. Срубные сосуды на курганах – это вполне обычная находка. Объясняет-

ся заброшенность святилища тем, что у срубного иранского населения основная культовая жизнь проходила в других местах, которыми являлись длинные курганы (Отрощенко 1986). Формирование этого типа курганов начинается еще в ямную эпоху (Пустовалов 1999), однако подлинный расцвет их наблюдается именно в срубное время (Ковалева 1988).

Вероятно, в это время Каменная Могила перестает играть роль одного из главных святилищ в Таврических степях. Рисунки в пещерах и гротах, алтари перестают быть понятными окружающему населению. Смысл их оказался утраченным. Данный факт косвенно свидетельствует в пользу того, что в позднекатакомбное время, на стыке катакомбной и срубной эпох, степное население в значительной степени меняется.

Поэтому наличие на Каменной Могиле образцов скифского искусства в свете изложенного выше представляется проблематичным, хотя, без сомнения, в скифское время возрождаются многие катакомбные традиции.

Некоторое оживление человеческой деятельности на территории святилища в отдельные эпохи не меняет общей картины: Каменная Могила навсегда утрачивает свое былое значение. Здесь, вероятно, хоронят колдунов, со-

вершают отдельные магические обряды, однако регулярности в этом нет.

Выход в свет монографии Б.Д. Михайлова «Петроглифы Каменной Могилы» является итогом многолетней работы. Эта книга – корпус изображений, известных на сегодняшний день на этом выдающемся памятнике первобытного искусства и идеологии. Весом и выразителен вклад автора в исследование этого уникального памятника.

Б.Д. Михайлов с большим уважением относится к своим предшественникам. Интересны предложенные в книге интерпретации найденных изображений. Они свидетельствуют о широкой эрудиции автора монографии, его знаниях, умении «читать листы каменной книги». Аргументация автором своих положений, привлечение археологических, исторических и этнографических параллелей и аналогий будит мысль, позволяет соглашаться или искать новые объяснения рассмотренным древним шедеврам. И это залог долгой научной жизни монографии «Петроглифы Каменной Могилы». Со вкусом оформленная и богато иллюстрированная, она привлечет внимание специалистов-археологов, философов, культурологов, краеведов и дизайнеров – всех, кому интересно прошлое восточноевропейской степи.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова З.А. 1962. Палеолитическое искусство на территории СССР // САИ, вып. А-43.
- Горелик А.Ф. 1997. Находки предметов изобразительной деятельности палеолитического человека у х. Роголик (Украина) // РА (2).
- Даниленко В.Н. 1975. Исторические сюжеты некоторых шедевров эллинско-скифской торевтики // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тез. докл. конф. Одесса.
- Даниленко В.М. 1986. Кам'яна Могила. Київ.
- Довженко Н.Д., Солтыс О.Б. 1991. О традиции изображения «стоп» в погребальном обряде катакомбных культур Северного Причерноморья // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Київ.
- Завгородній Ю.Ю., Остапенко М.А. 1999. Сакральний вимір острова Хортиця // Культурологічні студії 2. Київ.
- Ковалева И.Ф. 1988. Культурные комплексы так называемых длинных курганов эпохи бронзы // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. Днепропетровск.
- Корвін-Піотровський О.Г., Мовша Т.Г. 1999. Колісний транспорт трипільсько-кукутенської спільності // Культурологічні студії 2. Київ.
- Литвиненко Р.А. 1995. Катакомбное погребение с двухколесной повозкой из правобережной Донетчины // Хозяйство древнего населения Украины. Киев.
- Марковин В.И. 1978. Дольмены Западного Кавказа. Москва.
- Михайлов Б.Д. 1982. Пізньопалеолітичне місцезнаходження на р. Молочна // Археологія 38.
- Михайлов Б.Д. 1992. Позднепалеолитическое местонахождение вблизи Каменной Могилы // Пізньопалеолітичні пам'ятки центру Північного Причорномор'я. Херсон.
- Михайлов Б.Д. 1994. Петроглифы Каменной Могилы на Украине. Запорожье.
- Михайлов Б.Д. 1999. Петроглифы Каменной Могилы. Запорожье-Москва.
- Моруженко А.А. и др. 1989. Отчет о раскопках курганов в Донецкой области в 1989 г. НА ИА НАН України. Ф.Е. 1989/52.
- Оленковский Н.П. 1989. Поздний палеолит и мезолит Нижнего Днепра. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Киев.
- Отрощенко В.В. 1990. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины. (По материалам срубной культуры) // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев.
- Отрощенко В.В., Рассмакин Ю.Я. 1983. Отчет о работе Запорожской экспедиции ИА АН УССР в 1983 г. НА ИА НАН України. Ф.Е. 1983/1.
- Праслов Н.Д. 1963. Югинская палеолитическая стоянка в Приазовье // СА (3).
- Пустовалов С.Ж. 1991. До реконструкції соціального організму за матеріалами катакомбних пам'яток Північного Причорномор'я // Поховальний обряд давнього населення України. Київ.
- Пустовалов С.Ж. 1996. К вопросу о наличии знаковой системы у населения катакомбной общности Северного Причерноморья // Северо-Восточное Приазовье в системе Евразийских древностей. Энеолит-бронзовый век. Тез. докл. конф. Донецк.

- Пустовалов С.Ж. 1997. Чи була писемність у катакомбно-го населення Північного Причорномор'я? // Наукові записки На УКМА 2. Культура. Київ.
- Пустовалов С.Ж. 1998. О росписях на дне катакомб ингульской культуры и о проблемах этно-социальной реконструкции катакомбного общества Северного Причерноморья // Археология Восточноевропейской лесостепи 11. Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж.
- Пустовалов С.Ж. 1999. Моделирование лица по черепу у населения ингульской катакомбной культуры // Stratum plus (2).
- Пустовалов С.Ж. 2000. Знакова система населення інгульської катакомбної культури та проблема появи писемності у Північному Причорномор'ї // Наукові записки На УКМА 18. Теорія та історія культури. Київ.
- Мозолевський Б.М., Пустовалов С.Ж. 1999. Курган «Довга Могила» з групи Чортomla // Культурологічні студії 2. Київ.
- Рудинський М.Я. 1961. Кам'яна Могила. Київ.
- Смирнов А.М. 2000. Сюжет «загон для скота и животные» на энеолитических стелах Причерноморья: вариант аналогий и интерпретации // Stratum plus (2).
- Чмыхов И.А. 1990. Истоки язычества Руси. Киев.
- Чмихов М.О. 1994. Давня культура. Київ.

Статья поступила в номер 7 июня 2005 г.